

УДК 930

**«ОМЕРОС» = ГОМЕР?
ИСТОРИЯ И ЭПОС В ТВОРЧЕСТВЕ ДЕРЕКА УОЛКОТТА***

Е.А. Чиглинец

Аннотация

В статье рассмотрена оригинальная система исторических представлений в произведениях Д. Уолкотта, лауреата Нобелевской премии по литературе, включающая историю Антильских островов во всемирную историю. В качестве одного из механизмов такого включения выступает рецепция античного наследия как основы европейской цивилизации, осуществлённая в полиэтнических обществах Карибского бассейна в пост-колониальную эпоху. Формой репрезентации этой рецепции стала эпическая поэма «Омерос», использующая некоторые мотивы и персонажей гомеровского эпоса в иных социокультурных условиях для формирования локального патриотизма.

Ключевые слова: рецепция античного наследия, Гомер, эпос, история, патриотизм, «Омерос», Дерек Уолкотт.

Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который,
Странствуя долго со дня, как святой Илион им разрушен,
Многих людей города посетил и обычаи видел,
Много и сердцем скорбел на морях, о спасенье заботясь
Жизни своей и возврате в отчизну сопутников.

Гомер. Одиссея (I, 1–5)

(Пер. с древнегреч. В. Жуковского)

Тот крохотный парус в лучах,
скупающих над островами,
шхуна, что бежит по Карибскому морю

домой, это б мог быть корабль Одиссея,
летающий к Итаке по Эгейскому морю. <...>

Классика может нести утешение. Но не покой.

Дерек Уолкотт. Морской виноград

(Пер. с англ. В. Минушина)

Дерек Уолкотт, выдающийся поэт с островов Карибского архипелага, лауреат Нобелевской премии по литературе, широко известен как автор, активно использующий в своём творчестве античный материал. Он прославился в качестве драматурга, рискнувшего предложить английскому радио свою версию «Одиссеи» Гомера в виде радиопьесы. В его стихах мы встречаем отдельные

* Статья написана в рамках исследовательского проекта № 13-01-00088 «Патриотизм и предательство в античном мире», осуществляемого при финансовой поддержке РФНФ.

образы греко-римской истории и литературы, наконец, в поэме «Омерос» (Om.)¹, за которую Д. Уолкотт и был удостоен высочайшей премии, он пересказал некоторые сюжетные линии гомеровской «Илиады», поместив её героев в природно-географические и исторические условия своей родины – Карибских островов. Словом, творчество Д. Уолкотта для исследователя рецепции античности в современной литературе – истинная сокровищница мотивов и реминисценций, аллюзий и ассоциаций, навеянных античной изящной словесностью, а также собственно историческими событиями и персонажами. Права Т.А. Шарыпина, которая утверждает, что «рецепция античного наследия в каждом конкретном случае обусловлена индивидуальностью творческой манеры писателя, его художественными задачами» [1, с. 7]. И такого плана исследования уже существуют в литературоведении (см. [2–6]), они фиксируют и демонстрируют эстетическую рецепцию античности, безусловно, присутствующую в творчестве Д. Уолкотта.

Однако в сочинениях писателя есть и иной, более обобщённый образ античности, выступающий для него в качестве культурного символа, но исторически (точнее – квазиисторически) определённого и потому особо ценного для современности. Это античность мифа и эпоса. Формирование этого образа античности определяется не столько эстетическими задачами, сколько социокультурной ситуацией, в которой разворачивается творческий процесс Д. Уолкотта, а также социальными и культурными целями, которые ставит перед собой автор. Всё это делает творчество писателя предметом анализа не только литературоведов, но и историков, а рецепцию античного наследия, осуществляемую им, позволяет рассматривать как в эстетическом, так и в социокультурном и историческом ракурсах.

Интерес к истории всемирной и повышенное внимание к истории локальной гармонично сочетаются в жизни и творчестве Д. Уолкотта. Интерес этот отнюдь не празднично-интеллектуальный. Он носит созидательный, осознанно-конструирующий характер исходя из той миссии, которую избрал для себя писатель. Миссия эта заключается в настойчивой попытке включить историю островов Карибского моря во всемирную историю в качестве равноправной, а не «маргинальной» [2, р. 127] её составной части. В Нобелевской лекции писатель говорит: «Вообще история мира, под которым мы, конечно, имеем в виду Европу, есть летопись межплеменных раздоров и этнических чисток. И вот, в конце концов, не кто-то пишет историю островов, а они сами!» (Ноб., с. 144).

В любом другом случае воплощение подобной миссии носило бы сугубо националистический характер. Но Д. Уолкотт, как человек, не имеющий однозначной национальной принадлежности (сын уроженки Карибских островов, имеющей африканские корни, и англичанина), далёк от какой бы то ни было националистической идеологии, которая зачастую вместе с политикой и стратегией приводит к формированию мобилизационных, алармистских настроений на пути создания национальных государств (см. [7, р. 143–157]). Напротив, Д. Уолкотт всячески подчёркивает многонациональный состав населения и поликультурный

¹ Цитаты из поэмы даются главным образом по опубликованному переводу части поэмы, выполненному А. Шарыпиной (Om.). В остальных случаях все иноязычные источники цитируются в нашем переводе.

характер общества своей родины². Эта идея проходит через весь текст его нобелевской лекции «Антильские острова: фрагменты эпоса» от 7 декабря 1992 г. (Ноб.), присутствует и в других его сочинениях. И культурные традиции, занесённые сюда выходцами из Азии или Африки, принимаются им наряду с местными и европейскими: «Я мог бы прийти и наблюдать праздник Хусейна, храмы из гофрированной бумаги и зеркала мусульманского эпоса, китайский танец Дракона, церемониальные обряды той сефардской синагоги, которая раньше стояла на не помню какой улице. Я всего лишь одна восьмая того писателя, которым я мог бы стать, если бы вобрал в себя все раздробленные языки Тринидада» (Ноб., с. 131).

Д. Уолкотт полон патриотических настроений, но опять же не военно-мобилизационного характера, как это традиционно бывает (см. [7, р. 162–170; 8], а, скорее, культуртрегерского, если изъять из этого определения негативные, предельно политизированные имперские и колониалистские коннотации. Именно это вызвало критику в адрес Д. Уолкотта на его родине. Его обвиняли и «в недостатке патриотизма, и в недостатке национализма, и в недостаточном радикализме, а также в недостаточной ориентированности на Африку и большей ориентированности на Великобританию и Соединённые Штаты» (Sj., р. 79). Типологически, по классификации американского исследователя Стивена Нэтэнсона, взгляды Д. Уолкотта можно отнести к позиции между «умеренным патриотизмом» (*moderate patriotism*) и «глобальным универсализмом» (*global universalism*) [8, р. 407].

Действительно, как человек образованный, Д. Уолкотт пытается выстроить историю своей родины по европейскому образцу, в том числе и с точки зрения тех источниковых форм, в которых история фиксируется в культурной памяти. Для европейской цивилизации такой формой древнейшего исторического источника стал эпос. Более того, архетипическая связь европейской компоненты местной культуры со средиземноморским эпосом всячески подчёркивается в многочисленных поэтических и публицистических высказываниях писателя. Наиболее радикальный вариант читаем в поэме «Омерос»: «Антильские пальмы удобрены навозом античности» (Om., LIV, III).

Но на Карибах исторически не сложился собственный эпос, хотя все условия для его возникновения писатель видит: «Говорят, что здесь недостаточно книг, нет театров, музеев, здесь просто нечего делать. Но лишённый книг человек возвращается к самой мысли, и из мысли, если он сможет научиться управлять ею, явится желание что-то записать или, в крайнем случае, если у него нет навыков письма, – потребность в устном исполнении, в упорядочивании материала, что ведёт к стихотворному метру, к запечатлённой памяти» (Ноб., с. 137). И тогда для упорядочения исторической памяти и придания полноценности местной культуре Д. Уолкотт создаёт эпос по образцу эпоса гомеровского, называя его «Омерос».

Исходной точкой взглядов Д. Уолкотта на историю Антил становится отрицание общепринятого мнения, что ничего существенного здесь не могло произойти в силу природно-географических условий и депрессивности жизненного

² Эта черта местной культуры в последние десятилетия всё чаще вслед за М.М. Бахтиным называется специалистами «гибридизация» (см. [4, р. 118]).

уклада. Ссылаясь на такие авторитеты, как английский историк Вест-Индии Дж. Фрауд, писатель Грэм Грин или антрополог К. Леви-Стросс, он говорит о стереотипном восприятии истории и культуры этого региона в европейском сознании: настоящая культура не могла здесь появиться, а та, что имеется, существует, «с какой-то необоримой печалью, к которой Леви-Стросс подобрал особый термин: *tristesse tropique*» (Ноб., с. 140–141). Этим словам писателя вторит и историк литературы Карибского бассейна Лизабет Паравизини-Гиберт: «Плантация как горнило культурного синкретизма в Карибском бассейне продолжает оставаться и сегодня в центре литературы и культуры региона» [5, р. 2].

Однако сам Д. Уолкотт не желает соглашаться со столь однозначными утверждениями. Для него зримый образ истории Антильских островов – это тростниковые плантации и остатки поместий плантаторов, плантационные рабы и кабальные контрактники, отзвуки военных сражений, морские гавани и разрушенные форты (см. (Ноб., с. 130, 140, 143)). И всё это, считает он, нужно сложить в единую канву. Не случайно в Нобелевской лекции Д. Уолкотта возникает метафорический образ труда историка как труда реставратора, склеивающего разбившуюся вазу. «Искусство Антиль – восстановление разбитых легенд, осколков нашего словаря, нашего архипелага – россыпи обломков, некогда отколовшихся от материка» (Ноб., с. 131).

Размышления о культурной памяти и родовых (в самом широком смысле) корнях своего народа приводят Д. Уолкотта к многослойным построениям, отражающим различные уровни постижения собственной истории как части всемирной истории. В этом отношении показателен диалог, возникший во время воображаемого путешествия Ахилла в Африку между ним и его ещё не поработённым предком-африканцем Афолабом (Ом., XXV, III)³. Последний считает, что любое имя должно что-то означать. Но ни Афолаб, ни Ахилл не знают, с чем связано греческое имя одного из главных героев поэмы. Зато для Уолкотта это повод ещё раз подчеркнуть связь культуры своей родины и с культурой европейской, и с античным наследием как частью всемирной истории и культуры. Он уверен, что большинству его сограждан, как и ему, имя *Ахилл* понятно как некоторый общепризнанный символ: «простые ассоциации, которые все знают: Одиссей, Вечный Странник, или Елена, Вечная Красота, или, в данном случае, Ахилл, Вечный Воин» (Samp.).

В отношении античности Д. Уолкотт использует три приёма, которые и позволяют ему выстроить представления о роли античной истории и культуры в культуре Карибского бассейна.

Во-первых, Д. Уолкотт ищет *аналогии*, то есть сходство по ряду признаков, между античной культурой и культурой его родины. На это обратили внимание Пётр Вайль и Иосиф Бродский в своей беседе об Уолкотте:

« – Не зря он сам так тяготеет к античности и так ему нравится сопоставлять свой архипелаг с греческим.

³ Ментальный смысл этой встречи Д. Уолкотт хорошо изложил в интервью (см. (Пр.)). В поэме «Омерос» метафорически звучит риторический вопрос, обращённый Филоктетом к растениям, порубленным им во время приступа боли: «Он шёл меж грядами ямса // и выдёргивал корни и клубни, злобно топча их ногой. // Листья сморщивались, словно их опалил огонь. // “Что, сучье отродье, сладко вам без корней?”» (Ом., IV, I).

– Совершенно верно, у него эта тенденция чрезвычайно сильная – думать о своём архипелаге, Вест-Индском, как о Греции. Он переворачивает каждую страницу, как волну, – назад» (В., с. 255).

Сам Д. Уолкотт ассоциирует себя с Гомером, подчёркивая, что Гомер стал частью его жизни с самого детства (см. (Ом., II, II)), ср. также: «...простенький миф, скрашенный белизною // прозрачных страниц, в детстве прочтённых мною. // Я вновь и вновь их читал...» (Ом., LIV, III).

Поиск аналогий идёт по ассоциациям, а исторические ассоциации у писателя либо отталкиваются от метафоры, либо в результате дают метафору:

На картах Карибскому морю снится Эгейское,
а Эгейскому – Карибское, где тоже полно островов.

(Щедр.)

Писатель прекрасно понимает, что получаемая сегодня нами информация об античном мире позволяет создать весьма приблизительный образ прошлого, а потому использует метафоры, содержащие идеи отражённого и эфемерного восприятия. Помимо уже упомянутого сна он говорит о дыме, доходящем от прошлого мира, но «дым забывает мир, над которым вознёсся он» (Ом., I, I).

Своеобразное эхо получают в качестве истории ностальгирующие поколения потомков. История, по мнению Д. Уолкотта, может так направить взгляд и так повести руку, чтобы «приспособить их к готовому образцу», она способна «переименовать места ради ностальгического отзвука» (Ноб., с. 139). Так и античность превращается в отзвук, даже идеальные греческие Афины «превратились в собственное воспоминание» (Ноб., с. 140).

Во-вторых, Д. Уолкотт производит *адаптацию*, то есть приспособление найденного в античности материала к новым жизненным условиям, к новой внешней среде. Как замечает М. Лефковиц по поводу образа Гомера в трактовке Д. Уолкотта, «этот Гомер фигура столь изменчивая, неуловимо, но постоянно и бесконечно меняющая свою форму» [9, р. 400]. Действительно, в поэме целый ряд героев взят именно из гомеровского эпоса – Елена, Ахилл, Гектор, Филоктет. Метаморфозы, которые претерпевают образы этих героев в процессе адаптации, весьма показательны. Например, Филоктет в «Илиаде» (II, 718–724) был укушен гидрой, рана была не только мучительной для него, но ещё и настолько зловонной, что спутники по пути в Трою оставили его на острове Лемнос. Филоктет Д. Уолкотта пострадал от ржавого якоря (Ом., I, I; II, I), что для рыбаков, конечно, более понятно и естественно. Но Д. Уолкотт – вполне в духе древних греков – вкладывает в уста Филоктета идею божественной предопределённости этой раны, знаковость её и связь с невольничьим прошлым своего народа:

Он считал эту рану проклятьем: следы оков
на ногах у невольников. Рану не смогут вылечить,
она пришла по наследству от дедов через отцов.

(Ом., III, III)

Но именно здесь происходит десакрализация пространства античного эпоса. Ахилл и Гектор, величайшие герои, превращаются в рыбаков (второй потом ещё и в таксиста), жителей острова Сент-Люсия, которые влюблены в Елену, красивую

молодую женщину. Их жизнь выведена в профанное пространство. В соперничестве Ахилла и Гектора за Елену в качестве оружия используется мотыга: «Гектор, плещась в мелководье, бежал навстречу Ахиллу, // замахиваясь мотыгой. В оскалах лиц // пенилась ярость» (Ом., III, I). При этом Елена стоит за этим столкновением точно так же, как за Троянской войной: «Но за войной рыбаков, начинавшейся в этот день, // стояла тень. Еленой звалась эта тень» (Ом., III, II), «Это будет её История. Ради неё Война» (Ом., V, III). Красота Елены, знаковая для её гомеровского прототипа (II, III, 154–160), постоянно подчёркивается и автором, и героями поэмы: «красивая без меры», «пантера», «дива» (Ом., IV, III).

В-третьих, результатом указанной адаптации гомеровского эпоса становится *апроприация*, то есть присвоение античного наследия инокультурной средой. Так, присваивается Гомер – либо в шутку, как некий персонаж современного пространства («Гомер и Вергилий – фермеры, а Пегас – // лошадка с крыльями – возит на фермы газ», – // сказал я...» (Ом., II, III)), либо метафорически, по созвучию:

«О-мер-ос», – хотелось мне повторять без конца.
Начальным «О» выдают себя радость и горе,
«мер» – по-антильски мать, а также море,
«ос» – окрылённый рой или кость сухая,
так волны свистят, на белые кружева
свой дар – ожерелье черных камней – бросая,
«омерос» – так, умирая, шумит листва,
и с этим звуком вода покидает гроты.

(Ом., II, III)

При этом обращение к античности становится своеобразным спасением от глобалистских тенденций в культуре как для самого Д. Уолкотта, так и для его персонажа – юной соотечественницы с «азиатскими скулами», которую он ассоциирует с героиней греческой мифологии, ставшей символом сопротивления тоталитарной власти:

И в этот миг она была Антигоной:
«Ум устал от Америки. Чтобы он отдохнул,
нужна Эллада, мои острова», – похоже
говорила и та, всколыхнув красоту волос.

(Ом., II, III)

Демонстрируемый Д. Уолкоттом как творческой личностью вариант рецепции античности очень хорошо вписывается в ту систему культурного взаимодействия, которую обозначил Я.Г. Шемякин: в условиях, когда возникает необходимость истолковывать не только свою традицию, но и далекий, а иногда и вовсе посторонний человеческий мир, создаётся и совершенно особая герменевтическая ситуация. «Её главная отличительная черта – резкое увеличение “пространства свободы” личности в том, что касается истолкования традиции: диапазон возможных отклонений неизбежно расширялся в связи с необходимостью осмысления и усвоения нового духовного опыта» [10, с. 96]. Присвоение гомеровского эпоса для Д. Уолкотта создаёт ситуацию психологически сложную. Он восклицает: «Когда же перестанет звучать в ушах звонкое имя Трои? //

Когда же прекратится шум этого “Омерос”? Когда же // освобождён я буду от метафоры и вырвусь на свет Божий?» (Ом., LIV, III). Но вопросы эти риторические, поскольку вырваться из объятий Гомера автору не удастся: «История – это забытая бессонная ночь... а жребий поэзии – заново влюбляться в мир, несмотря на Историю» (Ноб., с. 145). Именно Гомер соединяет в творчестве Д. Уолкотта эпос, историю и жизнь.

Summary

E.A. Chiglintsev. “Omeros” = Homer? History and Epos in the Works of Derek Walcott.

The paper discusses an original system of historical conceptions in the works of Nobel laureate in literature Derek Walcott. This system includes the history of the Antilles into the history of the world. The reception of ancient heritage as a foundation of European civilization, realized in the multi-ethnic Caribbean societies of the post-colonial era, acts as one of the mechanisms of such inclusion. This reception was in a certain way represented by the epic poem “Omeros”, which uses some of the motifs and characters of Homer’s epos in other socio-cultural conditions for the creation of local patriotism.

Keywords: reception of ancient heritage, Homer, epos, history, patriotism, “Omeros”, Derek Walcott.

Источники

- Ом. – *Walcott D.* Omeros. – Boston, London: Faber & Faber, 1990. – 329 p.
- Ом. – *Уолкотт Д.* Омерос (фрагменты стихотворной книги): Раны и корни / Пер. и публ. А. Шараповой. – URL: <http://stihi.ru/2009/09/24/1896>, свободный.
- Ноб. – *Уолкотт [т] Д.* Антильские острова: фрагменты эпоса. Нобелевская лекция 7 декабря 1992 г. / Пер. с англ. Г. Кружкова // Нобелевская премия. Литература. – М.: Физ.-мат. лит., 2006. – Т. 5: 1988–2000. – С. 126–150.
- Щедр. – *Уолкотт Д.* «Были бы это острова из тех мифов...» // Уолкотт Д. Щедрость / Пер. В. Бетаки. – URL: http://lit.lib.ru/b/betaki_w_p/text_0070.shtml, свободный.
- Sj. – *Sjöberg L.* An Interview with Derek Walcott // Conversations with Derek Walcott. – Jackson, Miss.: Univ. Press Mississippi, 1996. – P. 79–85.
- Samp. – *Sampietro L.* Derek Walcott on Omeros: An Interview. – URL: <http://users.unimi.it/caribana/OnOmeros.html>, свободный.
- Пр. – *Прессон Р.* Тот, кем жива английская речь... / Пер. А. Шараповой // Нью Леттерз. – 1992. – Т. 59, № 1. – URL: <http://stihi.ru/2009/10/13/1113>, свободный.
- В. – *Вайль П.* Поэты с имперских окраин (*Беседа с И. Бродским о Дерекке Уолкоте*) // Иосиф Бродский: труды и дни / Ред.-сост. П. Вайль и Л. Лосев. – М.: Независ. газ., 1998. – С. 248–255.

Литература

1. *Шарытина Т.А.* Проблемы мифологизации в зарубежной литературе XIX – XX вв. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1995. – 111 с.
2. *Hamner R.D.* Epic of the Dispossessed: Derek Walcott’s Omeros. – Columbia, Missouri: Univ. Missouri Press, 1997. – 187 p.
3. Critical perspectives on Derek Walcott / Ed. by R.D. Hamner. – Boulder, Colo.: Rienner, 1997. – XVII, 482 p.

4. *Sinnewe D.* Divided to the vein?: Derek Walcott's drama and the formation of cultural identities. – Würzburg: Königshausen & Neumann, 2001. – 138 p.
5. *Paravisini-Gebert L.* Literature of the Caribbean. – Westport, Conn.: Greenwood Press, 2008. – VIII, 244 p.
6. *Gregson D.* Reframing the Homeric: Images of the *Odyssey* in the Art of Derek Walcott and Romare Bearden // A Companion to Classical Receptions. – Oxford: Blackwell Pub. Ltd., 2008. – P. 401–414.
7. *Shaw R.P., Wong Y.* Genetic Seeds of Warfare: Evolution, Nationalism, and Patriotism. – Boston: Unwin Hyman, 1989. – 274 p.
8. *Nathanson S.* Patriotism, War, and the Limits of Permissible Partiality // J. Ethics. – 2009. – V. 13, No. 4. – P. 401–422.
9. *Lefkowitz M.* Bringing him back alive // Critical perspectives on Derek Walcott / Ed. by R.D. Hamner. – Boulder, Colo.: Rienner, 1997. – P. 400–404.
10. *Шемякин Я.Г.* Межцивилизационное взаимодействие и типы творческой личности // Латинская Америка. – 1997. – № 4. – С. 92–99.

Поступила в редакцию
28.12.12

Чиглинец Евгений Александрович – доктор исторических наук, фзаведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: evgueni.tchiglintsev@ksu.ru